

* Встреча с интересным человеком

Первый разговор был телефонным и поэтому коротким.

— О чем вы думаете перед выходом на сцену?

— О том, что все люди разные.

— А после?

— О том, что все мы, в сущности, стремимся к одному и тому же: быть понятыми.

...А потом состоялась встреча, и

Елизавета Борисовна АУЭРБАХ,

прицурившись на «корреспондентку», сказала: — Что это обо мне вспомнила пресса? Ну-ну, вот вы уже и смутились... Таков закон — всех забывают, и меня, наверное, тоже когда-нибудь забудут.

Жаль, если сбудутся слова, с грустью сказанные Елизаветой Борисовной. Время быстротечно, а актерская профессия безжалостна, как никакая другая. Актеры, завершив свой сценический век, каждый в свой срок сходят с подмостков, унося с собой что-то очень нужное нам, зрителям. Недосказанное? Несыгранное? А может быть, свою судьбу, ведь актерская судьба, по существу, невыразима, а человеческая — неповторима.

ПОЧТИ БЕЗ ГРИМА

ИМЯ ЕЛИЗАВЕТЫ Ауэрбах известно не одному поколению зрителей. Ее короткие рассказы, с которыми она уже более двадцати пяти лет выступает на эстраде, до сих пор заставляют людей и смеяться, и печалиться, и думать...

— Я часто слышу жалобы коллег на трудности с выбором репертуара, а сама тем временем радуюсь, что так хорошо сумела «устроиться»: у меня-то таких проблем быть не может... Правда, лет пятнадцать назад, проходя по темному вестибюлю после своего концерта, я услышала разговор двух пожилых мужчин. «Мне очень нравится артистка Ауэрбах, — говорил один из них, — вот только никак не пойму, кто ей всю эту ерунду сочиняет...».

— И все-таки как случилось, что, добившись исполнения мечты стать драматической актрисой, вы оставили сцену МХАТа и начали писать рассказы?

— Произошло все это очень давно и, можно сказать, случайно. Однажды после войны я решила записать свои впечатления от поездки с фронтовой бригадой. Получились маленькие зарисовки, но даже после первого концерта в Доме актера не думала, что это станет моей профессией. Ведь писать я не любила с детства. Мама очень обижалась, получая мои письма: даже самые длинные из них здорово смахивали на телеграммы. А театр, наоборот, был мечтой. Хотела стать актрисой, и, конечно же, знаменитой. Случай помог поступить во МХАТ. Тем же летом нас, молодых актеров, повели знакомиться со Станиславским.

Константин Сергеевич попросил каждого показать этюд «на память физических действий», то есть представить работу с воображаемыми предметами. Я придумала зажечь примус, но он плохо разгорался, и вдруг услышала шепот Станиславского: «Может, они сырые?». Взяла его «спички». Потом стала прочитывать примус иглой, и в конце концов он взорвался. Когда я, испугавшись, отскочила в сторону, Константин Сергеевич засмеялся...

Позже, уже работая в коллективе старого МХАТа, о котором теперь ностальгически вспоминают многие актеры, я была рада самому факту, что выхожу на сцену, а рядом — большие, настоящие актеры.

В одном из спектаклей, в «Синей птице», нам, молодым актрисам, поручили роли звездочек в сцене «Ночь». В черных костюмах, на темной сцене зрители нас не видели, поэтому создавалась полная иллюзия «Млечного пути» — сверкали серебряные нашивки на костюмах. Шло время... Мои подруги «звездочки» уже давно получили более «видные» роли, а меня в хороводе звезд новые молодые актрисы уже величали «Большой Медведицей»...

Много лет спустя Елизавета Ауэрбах напишет рассказ, который так и называется: «Большая Медведица». В нем будет все честно: и как радовалась своей первой, невидимой роли, и чувство горечи, что спустя столько лет осталась по-прежнему в массовках. Слушая ее, думаешь о том, что любить театр, если в нем состоялась твоя судьба, нелегко. Труднее сохранить чувство верности, если надежды не оправдались.

Видимо, Елизавете Борисовне не суждено было стать «звездой» драматической сцены. Но это не помешало ей искренне сле-

довать учению великого Станиславского, который говорил, что следует любить более искусство в себе, чем себя в искусстве. Добавим — первое труднее. Покинув театр, Елизавета Ауэрбах сохранила к нему любовь. Жизнь показала, что выбранный ею путь автора и исполнителя рассказов стал именно ее путем...

— Я с детства любила заглядывать в окна домов, рассматривать альбомы с чужими фотографиями и прислушиваться к разговорам чужих людей. Мелькнувший в окне профиль я дорисую в портрет, из обрывка фразы сочини монолог, а из выцветшей фотографии на меня взглянет живое лицо. И однажды я решила прочесть кому-нибудь мои первые рассказы. Первыми слушателями стали соседи и знакомые. Один из них, старенький пенсионер, рабочий, сказал: «Хорошо! Я с тобой и наплакался, и насмеялся. Ты как чего новенькое напишешь, читай нам, а то в писатели выйдешь — забудешь...».

Другая соседка посоветовала все отпечатать и отнести в «Огонек», где у нее есть знакомая курьерша, тонкий человек, она знает, как действовать. Через месяц «тонкая» курьерша сообщила, что мои рассказы в редакции читали, они всем понравились. Но о том, чтобы их печатать, вопрос не стоял. Смущенная курьерша сказала, что, вероятно, к печати берут то, что не нравится.

— И все-таки однажды в журнале «Театр» была опубликована подборка ваших рассказов с прекрасным предисловием Юрия Нагибина. Потом появилось несколько маленьких книжек. Но основная жизнь ваших рассказов, пожалуй, проходит на эстраде, которая и определила их скромные размеры и форму. А что влияет на выбор тем?

— Мне много приходится ездить. Фронтовые бригады. Гастроли. Я люблю все замечать, знакомиться с людьми, люблю вспоминать. Многие мои рассказы и появились как воспоминания.

Как забыть наше спешное возвращение в Москву с гастролей из Минска, где нас застало известие о начале войны! Толпы растерянных, напуганных людей тянулись по большаку, а с ними шли и мы, артисты МХАТа. Высоко подняв голову, с посохом в руках, шел Иван Михайлович Москвин, словно горьковский Лука. В попутных машинах узнавали артиста, предлагали подвезти, но Москвин коротко отвечал: «Я не один». — и мы шли дальше... Лишь в Можайске удалось сесть на поезд.

Помню глухую сибирскую деревню, куда меня на один год забросила эвакуация. Простых и открытых людей, которые сами готовы были помочь и наивно считали, что если я городская, из «выковырянных», то все должна знать и уметь. Меня вызывали на споры, праздники, даже на роды. И я старалась не обмануть их ожидания, с удовольствием и старанием осваивала нехитрый крестьянский труд. Узнала много нового, не знакомого мне, москвичке, и, помню, меня необычайно поразило, что в нашей деревне не было ни одного домашнего животного с привычным именем Зорька, Буян. Все коровы у них были Элеоноры, а быки — Генрихами. Когда у нашей хозяйки отелился корова, встал вопрос об имени. Предложенная мною кличка Буян была с негодованием отвергнута: «Ты что?! — обиделась хозяйка. — Дай какое-нибудь другое имя, вот, например, в соседней деревне бычка Гамлетом зовут». «Эрик Четырнадцатый», — не

моргнув, ответила я. Хозяйка задумалась... «А можно Четырнадцатого откинуть, он ведь у нас первый, а Эриком-то как хорошо кликать».

Большое, как принято считать, видится издали. Но отодвинутые от нашего прошлого временем, мы перестаем видеть детали, нюансы пережитого. Теряется живой нерв прошедшего, без которого судьба не судьба, время не время. Не каждому дано заметить не приметную деталь, делающую биографический факт не сухой констатацией, а судьбой. Елизавете Ауэрбах достался этот дар. Сколько судеб живет в ее рассказах — десятки. И среди них, вернее, надо всеми над ними, простирается ее собственная.

Искренность и доверчивость, с которой Елизавета Ауэрбах делится с залом пережитым, кого-то подкупает и располагает к актрисе, кому-то, возможно, покажется чуть старомодной. Увы, мы отвыкли от простого, доверительного, «глаза в глаза», разговора артиста и зрителя с эстрады. Зрелищность, эффектность эстрадных выступлений, конечно же, впечатляет, но вместе с тем лишает зрителя участия, делает наблюдателем. Удобная точка восприятия. Но как же все-таки хочется просто поговорить, очень хочется быть понятым.

Елизавета Ауэрбах говорит с нами на понятном языке. Внимательно прислушивается не только к себе, но и к залу. В ее рассказах оживают черты близких ей, но давно ушедших людей. В ее рассказах влюбленная в своего репетитора молоденькая девушка декламирует наизусть законы Бойля — Мариотта; плачет женщина о не вернувшемся с войны муже, который остался жив, но ушел к другой...

— Моя задушевная подруга Верка всегда внимательно выслушивала мои правдивые истории, а потом обязательно спрашивала: «А как было на самом деле?».

«Задушевная подруга Верки» уже давно нет у Елизаветы Борисовны. А ведь и она была «на самом деле»...

...Среди пластинок моей юности чудом сохранился небольшой гибкий диск. Я иногда ставлю его на проигрыватель и слышу приятный, чуть глуховатый женский голос: «Я живу в старом московском особнячке... Таких особнячков становится в Москве все меньше...».

Уже много лет Елизавета Борисовна живет в многоэтажном современном доме. Внизу строгая консьержка. Смотрит испытующим взглядом: «К кому?». Я отвечаю, она называет этаж и долго смотрит вслед.

— Пресса?... Ну вот, вы уже и смутились... — улыбается Елизавета Борисовна.

Я слушаю ее рассказ о том, как в действительности сложилась ее судьба, рассматриваю фотографии, рисунки и поделки, которые ей дарят дети. И вдруг понимаю, что образ, создаваемый рассказчицей на сцене, — это образ ее собственной судьбы. Так значит, выходя на сцену, она играет саму себя. Без грима.

— Почти, — улыбается актриса.

С. ЕГОРОВА.